

Алексей Иванович Слаповский

У нас убивают по вторникам

Серия «Самое время!»

Один из знаменитых людей нашего времени высокомерно ляпнул, что мы живем в эпоху «цивилизованной коррупции». Слаповский в своей повести «У нас убивают по вторникам» догадался об этом раньше — о том, что в нашей родной стране воруют, сажают и убивают не как попало, а организованно, упорядоченно, в порядке очереди. Цивилизованно. Но где смерть, там и любовь; об этом — истории, в которых автор рискнул высказаться от лица женщины.

У НАС УБИВАЮТ ПО ВТОРНИКАМ

Произошло это в году не то 2011-м, не то в 2021-м. Неважно.

Главное — это было.

То есть я, конечно, подстрахуюсь и заявлю, что все персонажи и события вымышленные, вот прямо сейчас и заявляю: *все персонажи и события вымышленные, ничего этого на самом деле не было, но мы-то с вами знаем — было, да еще как.*

Или в газетах очень правильно пишут: «мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов». На всякий случай.

Поэтому дополнительно оговариваюсь: мнение автора может не совпадать с его точкой зрения. И будущих продюсеров, режиссера и других членов творческой группы тоже попрошу обозначить в титрах: дескать, если мы так думаем, то это не значит, что мы так считаем.

Но хватит предисловий.

Итак, представьте: идет заседание то ли министерства, то ли ведомства, то ли вообще правительства, это детали, существенность в том, что на данном заседании обсуждаются важные вопросы государственного масштаба.

Впрочем, пока ничего не обсуждается.

Председательствующий Капотин в мертвой тишине, хмуриясь, просматривает какой-то доклад.

Чиновники не смеют даже переглядываться, а если и делают это, то украдкой.

Жарко, со всех течет пот.

Секретари и помощники, что сидят на стульях по периметру стен, тоже потеют.

Потеют приглашенные журналисты с блокнотами, камерами и микрофонами.

Люди из обслуживающего персонала, неприметные, в одинаковых костюмах, тоже потеют и переминаются.

Вот один из чиновников глянул на того, кто стоит у двери, умоляюще показал глазами вверх. Тот украдкой достал пульт, нажал на кнопку, чтобы прибавить холода.

Кондиционер зашумел.

Капотин поднимает голову и смотрит сначала на кондиционер, затем на человека с пультом. Тот сразу же убрал звук и, соответственно, холод.

Один из чиновников с ужасом смотрит на коллегу напротив. У того сейчас сорвется с подбородка огромная капля

пота, но он не замечает. Чиновник хочет сказать ему, приставляет ладонь ко рту, чтобы шепнуть, но не успевает: капля срывается, падает в стакан с водой. Брызги во все стороны, оглушительный бульк. Чиновники и Капотин смотрят на провинившегося. Тот хватает платок и вытирает лицо.

И опять тишина.

В этой тишине Капотин переворачивает страницу.

Звук такой, какой услышал бы Гулливер в стране гигантов, если бы рядом с ним перевернули страницу книги, размером с футбольное поле.

Наконец Капотин нарушает тишину. Он говорит мягким, но укоризненным голосом.

— Ну что это такое, Деляев? Опять в прошлом месяце взял полтора миллиона из фонда социальной помощи?

Деляев хочет встать, но Капотин делает знак: отвечай сидя.

Тот бормочет:

— В связи с мероприятиями по улучшению работы по улучшению контактов с общественно значимыми организациями...

Капотин морщится:

— Перестань, тут все свои. Опять, что ли, дом строишь?

— Для младшей дочери, — признается, потупясь, Деляев.

— А сколько ей?

— Восемнадцать уже. Тесновато нам стало.

— Где строишь? — интересуется Капотин.

— Ипатовка, двенадцать километров от окружной.

— Знаю, место хорошее, — одобрительно кивает Капотин. — Позови на новоселье. Я слышал, дочка красивая у тебя.

Капотин улыбается, Деляев тоже улыбается.

Но Капотин построжал — и у Деляева тут же стало такое лицо, будто он с детства ни разу не улыбался и даже не знает, как это делается.

— Все равно, имей совесть, Деляев, — продолжает Капотин. — В этом месяце очередь из фонда брать Субботину. Вы уж хоть какой-нибудь порядок соблюдайте. А то ты взял, ему не досталось, он будет в претензии.

— Да я тоже взял, — успокаивает Капотина Субботин.

— И чем ты гордишься?

— Я не горжусь, просто — констатирую факт.

— Нет, ты гордишься, — Капотин начинает сердиться. — Нельзя так, коллеги. Воруете, я знаю, и все знают. Но, во-

первых, воруйте все-таки в порядке очередности, во-вторых, не так нагло, в-третьих, надо же иметь эту, как ее...

— Совесть, — подсказывает Переметнов, руководитель отдела по связям со СМИ.

— Спасибо. Вот именно — совесть. Я не призываю ее все время применять и демонстрировать, но, повторяю, иметь ее надо. Вещь не лишняя все-таки. К нам гости приезжают зарубежные... Журналисты вон стоят, как волки, следят, разы... Чтобы, если попросят ее показать, эту... Опять забыл.

— Совесть.

— Да. Она чтобы была в наличии! И опять Капотин изучает доклад.

— Ну вот, та же картина. Лучшенко у газовиков десять миллионов отжал, Зимянин в Монако землю купил, Рахманович третью яхту океанскую меняет.

— На свои деньги, — возражает Рахманович.

— Ничего у тебя своего нет — и ты это знаешь! — с ноткой суворости отвечает Капотин. — Или вот — товарищ генерал Пробышев откатил целых двенадцать миллионов у Нижневерховского оборонного завода. Не много?

— Половину для вас, Павел Савлович, — торопится оправдаться товарищ генерал Пробышев.

— А мне оно надо? Ты вот финансиста нашего спроси. Манин, скажи ему — деньги зачем?

Манин застигнут врасплох, не сразу может сообразить.

— Ну... Инвестиции... Вклады... Кредиты... Финансовая система.

— А попроще?

— Деньги нужны. Чтобы все было!

— Вот. Чтобы все было. А у меня и так все есть. Капотин опять листает доклад и с неудовольствием отбрасывает его.

— Зарвались вы, ребята. Вы как хотите, но что-то надо делать.

— Сажать нас надо, — сокрушенно советует кто-то из чиновников.

— Тогда уж всех. А кто работать будет? — задает Капотин риторический вопрос.

Молчат. Думают.

Заметим, пока они думают, что никакой фантасмагорией тут и не пахнет. Всё похоже на заурядное производственное совещание. И голоса заурядны, и лица, и сами слова. И то, что сейчас предложит товарищ генерал Пробышев, прозвучит вполне буднично: так затурканный прораб в строительном вагончике, чтобы ублажить начальство, спешит выдвинуть

деловую идею, доказывающую его если не рвение, то сообразительность.

Он предлагает:

— Убить, может, кого-нибудь?

— А что? Может, и подействует, — соглашается Капотин.

— У вас, силовиков, один разговор — убить, — шипит Манин. — А если тебя убить?

— Меня нельзя.

— Это почему? — удивляется Капотин.

— Да не люблю я этого. Не нравится как-то. Ерунда какая-то — жил, жил и вдруг мертвый. Неприятно.

— Все равно когда-нибудь помрешь, — страшает Лучшенко.

— Но не сейчас же.

— У нас смертная казнь отменена, — напоминает собравшимся юрист Рубак.

— Никто не говорит — казнить, предложение — убить, — как ребенку, разъясняет ему Капотин. — Криминальное, скажем так, убийство. На почве, к примеру, коммерческой деятельности.

— Политическое лучше, — осмеливается возразить товарищ генерал Пробышев.

— Почему?

— У нас давно ни одного приличного политического убийства не было. Уже обвиняют, что мы всю оппозицию уничтожили. Пусть знают, что она еще есть.

— Воя не оберешься. Хотя можно так: убийство будет криминальное, но пусть думают, что на политической почве. Товарищ генерал Пробышев проведет расследование и найдет виновных. А то давненько ты никого не находил.

— Я находил и нахожу! — обижается Пробышев. — Но к ним не подступишься — то депутатская неприкосновенность, то такую взятку дают, что совестно отказываться. А то вообще свои. Рубак вон за год троих человек замочил.

— А я что, для удовольствия их замочил? — возмущается Рубак. — Я для дела! Согласились бы по-хорошему — я бы их пальцем не тронул. Я что, убийца по-вашему?

— Хватит пререкаться! — поднимает руку Капотин. — Суть в чем? Надо кого-нибудь из нас убить, чтобы другим стало хоть чуть-чуть страшнее. И вообще — бардак в этом деле полный. Кто кого хочет, тот того и убивает. Да еще ответственность на себя берут. Обидно даже — в прошлом году мы журналиста Зажигаева убили, а правые либералы приписали это себе. Всё должно быть под контролем, все

должны видеть, что у нас сильное государство и без его ведома ничего не происходит. Теперь надо решить — кого.

— Может, проголосуем? — предлагает Переметнов.

— Тайно! — тут же уточняет Манин.

— Не тайно и не явно, — отвергает Капотин. — Лучше жребий кинуть. Я могу, конечно, и сам назначить...

— Жребий! Жребий! Жребий! — тут же раздаются голоса.

Пробышев дает для этого дела свою генеральскую фуражку.

И вот Капотин уже держит в руках фуражку и встряхивает ее.

— Все бумажечки пустые, одна с крестиком, — говорит он. — Моей фамилии нет, потому что я вам отец родной. Или кто-то не согласен?

Молчат. Все согласны.

— Ну? Кто первый? — Капотин подставляет фуражку.
Пауза.

— Чем больше листков, тем меньше вероятность, — решается Манин.

И тянет листок. Разворачивает. Пусто. Все бросаются тащить, ободренные его словами и примером.

И все взяли свои жребии, и все с радостью рассматривают пустые листки. Но у кого же крестик?

И тут все обращают внимание на Быстрова. Невысокий человек с неприметной внешностью. Он стоит, крепко сжав свою бумажку в кулаке.

— Быстров, покажи! — требует Пробышев.

Но тот в ступоре. Смотрит перед собой остекленевшими глазами.

Пробышев пытается разжать его кулак.

— Маленький, а жилистый! — удивляется он. Пробышеву помогают.

Быстров не сопротивляется, но и не помогает. Он даже сам с удивлением смотрит на свой кулак, будто на посторонний: что это с ним?

Наконец кулак разжат и бумажка, как и ожидалось, оказывается с крестиком.

Крестик одновременно и страшный, и какой-то кривоватый, школьнический.

— Вариант неплохой, — говорит Капотин. — Ты, Быстров, у нас сидишь на культуре, а на культуру кого угодно можно посадить, ума много не надо. Но фигура все-таки заметная.

— За что?.. — шепчет Быстров пересохшими губами. И шмыгает носом — у него насморк.

— Не понял? — вслушивается Капотин.

— За что? Я ничего не сделал! Я даже не ворую!

— Правда, что ли? — не верит Капотин. — А почему?

— Нечего украсть, Павел Савлович! Нет доступа ни к каким финансам!

Капотин обращается к Пробышеву:

— Твоя недоработка, мог бы чего-нибудь ему подсунуть.

— Компромат найдем, если надо.

— Значит, мы удачно на тебя попали, — объясняет Капотин Быстрову. — А то ерунда получается: у нас каждый в чем-то замешан, это гарантирует взаимную безопасность. И рад бы кого-нибудь сдать, но знаешь, что и он тебя сдать может. А ты один у нас получился в белом фраке. Нехорошо.

— Я исправлюсь! — обещает Быстров. — Сегодня же возьму какую-нибудь взятку... За что-нибудь... Или деньги растратчу государственные.

— Извини, поздно. Да ты не волнуйся, мы о твоей семье позаботимся. А тебя, если хочешь, на Ваганьковском похороним. Может, ты вообще против? То есть против нас? Против меня лично? Скажи, не бойся.

— Я не против...

— Тогда о чем говорить? Журналисты, включайте камеры!

Тем же вечером диктор в телевизоре сообщает деловитым, заурядным голосом после перечисления важных международных и внутренних событий:

— На сегодняшнем заседании было принято решение убить руководителя департамента культуры Вадима Михайловича Быстрова. Заявлено при этом, что убийство будет совершено криминальным образом на почве коммерческой деятельности, которой у Быстрова нет, но по политическим мотивам. Осуществление и расследование убийства берет на себя ведомство товарища генерала Пробышева, но оно не будет иметь к этому никакого отношения.

На экране возникает Пробышев. Он вешает:

— Хотя мы тут ни при чем, но могу сказать, что в любом случае мы исходим не из соображений необходимости, а из принципа целесообразности.

Программу вечерних новостей смотрит вся страна, и везде реагируют по-разному.

Людям посторонним это, конечно, совсем неинтересно.

Хотя и они иногда высказывают мнение.

Вот где-то в глубинке сидят два соседа-приятеля, выпивают. Один уронил кружок колбасы под стол и, поднимая его, не расслышал:

— Кого убить хотят?

— Быстрова.

— А это кто?

— Черт его знает. Типа министр.

— Давно пора их все поубивать. Грабят народ. Твое здоровье.

— Твое здоровье.

Выпили. Оба одновременно икнули. Рассмеялись этому приятному совпадению.

Или: лежит в деревенском доме бабушка ста с лишним лет, смотрит в телевизор, почти ничего уже не понимая, но непроизвольно бормочет:

— И примкнувший к ним...

— Чего ты там бормочешь? — кричит ее глухая восьмидесятилетняя дочка.

— Заплясали, загудели провода, мы такого не видали никогда, — отвечает мать.

Шестидесятилетняя внучка, тоже тухая, кричит:

— Ничего не понимаете, старые!

— А ты чего поняла? — обижается дочь.

— Все!

— А что все-то?

Внучка молчит, не сознается. Вернее, не хочет признать, что она сама ничего не поняла.

Но то люди дальние, а каково близким? Сейчас узнаем, каково близким.

Восемнадцатилетняя дочь Быстрова Настя, услышав новость, кричит матери, которая на кухне:

— Мам, иди сюда, про папу говорят! Да быстрее!

— А что? — входит мать.

— Папу убить решили.

Мать ахает, но тут же говорит:

— Предупреждала я его: не лезь ты на это место! Славы человеку захотелось!

А вот младший брат Быстрова, Владимир, и его жена Надежда. Жена смотрит телевизор, а Владимир сидит в кресле под торшером возле книжных полок во всю стену. Читает.

— Ты слышал? — спрашивает Надежда.

— Выкину я этот зомбоящик. Добил он остатки интеллигенции, — морщится Быстров-младший.

— Брата твоего убить хотят!

— Серьезно? Надо же. Нет, но с ним-то, наверно, согласовали?

Владимир пожимает плечами, он растерян. Он не знает, как к этому отнестись.

А в телевизоре сам виновник, если так можно выразиться, торжества.

Он говорит журналистам:

— Конечно, для меня это неприятное решение. Слишком много начатых дел, хотелось бы их продолжить. С другой стороны, я понимаю, что нужны свежие кадры, новые идеи.

Едет Быстров домой, хмуро смотрит в окно. Предчувствует: будет дома неприятный разговор.

Так и есть: жена Светлана кормит его ужином и сокрушается:

— Нет, но как ты мог согласиться?

— А что я мог сделать? Ну не соглашусь, все равно убьют. Уж лучше думать, что я сам, добровольно. А то получится — как баран на бойне.

— Да так и получилось уже!

Быстров надкусывает котлету, и лицо его вдруг становится очень грустным, как будто он только сейчас по-настоящему огорчился.

— Что, пересолила? — тревожится Светлана.

— Наоборот.

— Ну, Вадик, на тебя сроду не угодишь!

— Да ничего, я сам.

Быстров сыплет на котлету соль из солонки. У солонки отлетает крышка, соль высыпается.

— Плохая примета! — пугается Светлана. В кухню входит Настя. Обращается к отцу:

— Привет, машину дашь на пару часов?

— А кто мне крыло вчера помял?

— Купили бы мне свою собственную, я бы мчала что хотела! — оправдывается Настя, не чувствуя за собой вины. — У всех уже машины есть, одна я как золушка.

— Ничего, — утешает отец. — Скоро моя машина твоей станет. Навсегда.

— Правда? — радуется Настя. Светлана одергивает ее:

— Ты разве не знаешь, что нас ждет?

— Почему нас. Это его ждет. А он согласие дал, я правильно поняла?

Быстров вяло кивает.

— Так я возьму машину?

— Бери.

Настя, счастливая, исчезает.

— Так нельзя, — говорит Светлана. — Надо как-то бороться!

— Как?

— Ну не знаю. В суд подать.

— Прецедента не было.

— А ты создай!

— Свет, помолчи, а? И так тошно. Светлана глянула на часы.

— Ой, что же это я? Там же.

Спешит в комнату, включает телевизор. Слышны звуки какого-то веселого шоу.

Быстров встает, шарит по кухонным ящикам. Находит начатую пачку сигарет. Закуривает.

Светлана кричит:

— Вадик, опять закурил? Забыл, что тебе врач сказал? У тебя легкие!

— Скоро не будет, — негромко говорит Быстров. — Ни легких, ни тяжелых.

Поскольку событие хоть и не из ряда вон, но все-таки заметное, как говорят журналисты, информационный повод, Быстрова приглашают на популярную передачу «Глаз народа». Он как человек государственный, служивый, не чувствует себя вправе отказаться.

Сидит в студии, в центре, на свету и на виду, вокруг, как на небольших футбольных трибунах, зрители.

Выходит бойкий ведущий Соломахов, которого встречают аплодисментами.

Он объявляет:

— Итак, начинаем нашу программу «Глаз народа!». Итак, сегодняшняя тема — «Казнить нельзя помиловать». Итак, вот наши сегодняшние гости! — широким жестом Соломахов указывает на троих героев передачи: всхлипывающую женщину лет тридцати пяти, угрюмого мужчину лет сорока кавказской настороженной внешности и скромно утонувшего в глубоком кресле Быстрова.

— Итак, перед нами три человека, объединенных общей проблемой — их собираются убить! — сообщает Соломахов. — Послушаем сначала их. Екатерина Лебедева, что случилось? — подсаживается он к женщине.

— Сын убить хочет, — плачет Лебедева.

— За что?

— Ни за что!

Соломахов вскакивает и голосом, предвещающим сюрприз, объявляет:

— Итак, Екатерина Лебедева, которую хочет убить сын. Вася, сын Екатерины, присутствует в нашей студии!

Под овации (таков формат передачи: всех встречать аплодисментами) выходит Вася, мальчик лет четырнадцати, длинный, весь какой-то членистоногий. Он идет к диванчику, на котором сидит мать. Она отодвигается.

— Не бойсь, дура, не трону, — улыбается Вася.

— Итак, Вася, скажи, — просит ведущий, — действительно ли ты хочешь убить свою маму?

— А чё, прямо на всю страну показывают? — улыбается Вася, крутя головой.

— Да, на всю страну. Так хочешь ли ты убить свою маму?

— Ну, короче, да.

— Что да?

— А вы бы не убили? — гнусит Вася, впадая в раздраженный подростковый тон. — Телефон мне нормальный купить не хочет, за компьютером сидеть не разрешает, вчера с папа-нами встретиться не дала, а они меня ждали!

— Итак, ты хочешь убить свою мать за то, что она ограничивает твою свободу? — подсказывает Соломахов.

— Ну да. И вообще, ноет все время.

— Но она же твоя мама, Вася. Она тебя родила! — с болью в голосе восклицает ведущий.

— А я просил?

Соломахов, прекратив диалог, обращается к студии:

— Итак, перед нами мама и ее сын, который хочет ее убить. Какие будут мнения?

Микрофон берет женщина с острым лицом и сердитыми глазами:

— Я как детский и подростковый психолог, кстати, моя новая книга уже в продаже, должна сказать, что мы относимся к детям, как к своей собственности! И вот вам результат. Мальчик не столько виноват, сколько несчастен.

Ее перебивает растрепанная и красная дама:

— Какая она ни есть, а она мать, и он должен материной воли слушаться! Это что же будет, если каждую мать будут убивать? Я вот сама мать и как мать скажу, что любая мать скажет то же самое: мать — это святое!

Ей аплодируют, атмосфера накаляется, но тут, конечно, рекламная пауза.

Зрители у телевизора смотрят увлекательные сюжеты про майонезы и стиральные порошки, а Соломахов сидит в углу,

изможденный: это его четвертая запись за сегодняшний день. Тем временем редактор программы через громкоговоритель обращается к публике, призывая ее аплодировать и выступать активнее.

— Не бойтесь прямой полемики! Если кто-то захочет подойти ближе друг к другу, не стесняйтесь, у нас это приветствуется!

Пауза кончилась.

— Продолжаем! — объявляет редактор.

Соломахов, только что казавшийся тряпичной куклой, вздернулся, словно его потянул за нитки невидимый кукловод. Усталости как ни бывало, он свеж, бодр, активен, он весь в сущи проблемы.

— Итак, вторая история: перед нами Курбан Шешбешевич Аскариди, бизнесмен. Скажите, Курбан, кто и за что хочет вас убить?

— Вот он хочет убить, — настороженный кавказец указывает на вольготно рассевшегося в кресле человека с широкими плечами и объемистым горделивым животом.

— За что? — удивляется Соломахов.

— Я овощ продаю, фрукт. Он подходит: дай денег. Я — за что? Ни за что, хочу. Я говорю: нет, не могу. Он говорит: тогда убью тебя. Откуда я могу ему денег дать? Налоговой дай, сан-пидстансыи дай, милисси дай, спесслужбам дай. Вас много, Курбан один. А мне еще за транспорт платить, грузчик платить, склад платить.

Ведущий перебивает:

— Понятно, понятно! Послушаем теперь человека по кличке Бодя. Член охотнорядской преступной группировки, находится в федеральном розыске. Спасибо, Бодя, что нашли время прийти к нам!

Публика тоже благодарит Бодю аплодисментами.

— Так за что вы берете деньги у Курбана и за что хотите его убить? — интересуется ведущий.

— Не вопрос, — откликается Бодя. — У него деньги есть, у нас нет. А нам надо. Общак держать, пахану новый «мерседес» купить, да мало ли. Мы люди или нет? А он уперся, как баран. Да еще скрываются, гад. Хорошо хоть, что сюда пришел. Я тебе говорил, глаза вырву? — Бодя встает и вразвалку подходит к Курбану. — Я тебе говорил, башку снесу?

Хороший момент для рекламной паузы — и она наступает.

Что там было в студии, зрители не видят, они после рекламы обнаруживают только результат: в студии теперь нет

ни Курбана, ни Боди, только красное пятно на кресле и лужа крови на полу.

Приходит черед Быстрова. Соломахов гонит, предвкушая конец съемки:

— Итак, последняя наша история — история Вадима Михайловича Быстрова. Скажите, Вадим Михайлович, как вы относитесь к тому, что вас хотят убить?

Быстров сидел не просто так. Он думал. Он чувствовал себя не просто человеком, выставленным здесь для удовлетворения праздного любопытства, он понимал, что обязан выглядеть более ответственно и разумно — как представитель власти, как уважающий себя мужчина. Как интеллигент, в конце концов!

И он говорит:

— Тут все обвиняли. За что, почему. А я считаю, надо начать с себя. Потому что.

— Спасибо, время нашей передачи истекло! — объявляет ведущий. — Верный вывод сделал Вадим Михайлович: когда вас кто-то будет убивать, надо не кричать «караул» и не бежать в милицию, как делают некоторые излишне впечатлительные люди, надо сначала задать себе вопрос: а правильно ли я живу? Может, меня убивают за дело? И, возможно, тогда человек сам поставит запятую после первого слова в изречении, которое стало темой нашей передачи.

На табло, где большие буквы УБИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ, появляется запятая после слова «убить».

— Берегите себя, желаю всем здоровья и счастья, до свидания! Первый независимый канал продолжает свои программы, не переключайтесь!

В ведомстве Пробышева идет обсуждение мероприятия. Среди гладких и хорошо одетых сотрудников сидит нарочитый тип в тренировочном костюме, со шрамом на щеке, небритый.

— Ну и рожа, — недоволен Пробышев. — Другого не могли найти?

— Да то наш, это Свистунов из отдела заказных убийств.

— Валера, ты? — поражается Пробышев.

— Так точно, товарищ генерал! — усмехается нарочитый тип.

— Надо же. Хорошо у нас визажисты работают. Ну, какой план?

— Очень просто, — докладывает Валера. — Охраны у Быстрова нет. По утрам он бегает.

— Куда?

— Никуда. Для здоровья. Он возле парка живет, там и бегает. Я тоже как бы буду бегать. Поравняемся, я шмаляю в него, потом контрольный в голову. Все.

— Неплохо. Красиво, как минимум. Парк, птички, утро. Эстетический момент — это тоже важно. Но посоветоваться все-таки не мешает.

Не откладывая, Пробышев звонит Быстрову в его ведомство.

— Вадик? Привет. Как твой насморк? Мне жена всегда сок алоэ капает, очень помогает. Ты попробуй. Ладно, по делу. Мы решили — в парке утром, когда ты бегаешь. Не против?

— А когда? — спрашивает Быстров.

— Еще не уточнили. Ты с утра завтра будь там, прорепетируем. Чтобы без накладок.

Что ж, завтра так завтра. И вот утро в парке. Деревья, зеленая трава, птички. Быстров бежит.

Небо облачное, но солнце иногда показывается.

Неожиданно луч бьет в глаза Быстрову — как-то очень уж едко, словно струя апельсинового сока. Он останавливается. Зажмуривается. Цветные круги и блики плывут перед ним.

Открывает глаза. Лужайка. Прудик. Плавают утки. Двое влюбленных идут, обнявшись, вдоль берега.

Обеспокоенный Пробышев, окруженный свитой, издали смотрит, не понимая, почему Быстров остановился.

Быстров видит это, чувствует издали обеспокоенность Пробышева и возобновляет бег.

Из кустов показывается Свистунов. Догоняет Быстрова.

Вытаскивает пистолет. Направляет на Быстрова и кричит:

— Бац, бац!

— Вадик, падай! — командует Пробышев. Быстров падает.

Свистунов встает над ним, целится в голову.

— Бац!

Пробышев смотрит на часы.

— Нормально, в три минуты уложились. — Оглядывается. — И народу никого. Но все-таки надо будет на всякий случай ограждение выставить. Вадик, а ты чего притормозил?

— Задумался.

— Задумался он. Это ведь снимать будут. Кто-то решит, что ты боишься, потому что знаешь. А ты ничего не знаешь.

— Но я ведь знаю. И все знают, что я знаю.

— Это они сегодня знают. А завтра мы им сообщим, что нападение было неожиданным — и все так будут думать. Так. Теперь надо решить, как организовать следственно-розыскные мероприятия.

— Собаку по следу пустить, — предлагает кто-то.

— Дельно. Что еще?

Быстров вмешивается в разговор:

— А когда намечено, Викентий Олегович? Пробышиев отвечает:

— Число уточним, но точно знаю, что во вторник.

— Почему?

— Ну, у нас всегда по вторникам убивают. Понедельник, сам знаешь, день тяжелый. В субботу и воскресенье как-то нехорошо — люди отдохать должны. Во вторник самое то — впереди целая рабочая неделя, есть время и убить, и следствие провести, и пресса активно работает, освещает. А что, есть другие пожелания? Мы учтем.

— Нет, — говорит Быстров.

Он едет на работу на служебной машине. Шофер Миша, молодой приветливый мужчина, поглядывает на него.

— Эх, жаль, Вадим Михайлович, — говорит он.

— Что?

— Да приятно с вами было ездить. Вы человек вежливый, спокойный. А кто теперь достанется — неизвестно!

— Да. Неизвестно. — рассеянно говорит Быстров.

Он смотрит на дома, на людей, на вывески. И все, что казалось ему раньше заурядным, представляется теперь привлекательным. Даже — прекрасным.

Возле церкви он говорит:

— Останови-ка.

Миша, не задавая вопросов, останавливается. Быстров входит в церковь.

Он беседует с отцом Иннокентием, молодым священником, который годится ему в сыновья.

— Сомнения одолевают, батюшка, — говорит он.

— В чем они, сын мой?

— Понимаете... Сегодня с утра бежал в парке... И вдруг — солнце в глаза. И меня как ударило. Я все увидел по-новому. Я понял, что не обращал внимания на обычные вещи. А они прекрасны. И вообще. Вот я говорю, произношу слова — это прекрасно. Дышу — прекрасно. Вижу — прекрасно. Неужели ничего этого не будет?

— Грешные слова речешь, сын мой. Излишняя приверженность к миру земному — соблазн. Радуйся, что тебя, возможно, ждет юдоль чудесная, без суety и мелких волнений.

— А если не ждет? Я же не сам умру, убьют.

— Тем паче, сын мой. За мученическую смерть Бог многое простит. Ты не об этом думай, а о покаянии, скорби о грехах своих, пока есть время.

— Нет, но обидно. Я не хуже других. Даже лучше.

— Это гордыня, сын мой.

— Хорошо. Не хуже и не лучше. Но — за что? Ведь это произвол! Это безумие власти, батюшка!

— Сказано, сын мой: всякая власть от Бога. Не в том смысле, что она божественна, а в том, что удостаиваемся мы той власти, которая дается нам по грехам нашим.

— А как же «не убий», батюшка? Разве не можете вы пойти к ним и сказать — нельзя? Ведь я ваш сын духовный, почему вы сына не защитите?

— Во-первых, не могу нарушить тайну исповеди. Во-вторых, в мирские дела церковь принципиально не вмешивается.

— Да какие же они мирские? О смерти речь идет! Это разве только мирское дело?

— Ну, не знаю. Можно, конечно, с епархиальным управлением посоветоваться. Митрополит рассмотрит дело, резолюцию соизволит наложить, потом оно пойдет, вероятно, еще выше. Чайку не желаешь, сын мой?

— Можно.

В доме батюшки попадья подает чай. Малолетний сын Иннокентия сидит за компьютером и играет в какую-то игру.

— Тешишься, чадо? — спрашивает Иннокентий.

— Я их всех убил! — кричит чадо. Иннокентий садится за стол, закуривает. Быстров тоже достает сигареты.

— Ох, грех, грех! — качает головой батюшка.

— Сами-то курите.

— Большая разница, сын мой! Неверующий курит и этим наслаждается, а верующий курит и страдает. Бранит себя, кается. Я просто до слез себя покаянием довожу иногда! — батюшка вытирает слезы, выступившие у него от дыма. — Да и сигареты стали делать — такая мерзость! А стоят все дороже! Вы-то что курите?

Быстров показывает.

— Не угостите? А то я все больше дешевенькие.

— Так что же мне делать, батюшка? — томится Быстров.

— Молиться, сын мой. Бог всемилостив, в печали утешит, в отчаянии спасет. Только уповай на Него безраздельно.

Батюшка ввинчивает в пепельницу окурок и отпивает чаю. Говорит попадье:

— Опять сахар забыла положить, матушка?

Быстров входит в свой кабинет. Оттуда уже выносят мебель.

— В чем дело? — спрашивает Быстров.

— Освобождаем.

И он, тихий и спокойный, вдруг начинает кричать:

— Поставь на место! И не трогать тут вообще ничего, пока я жив!

— А мы чего? Нам сказали.

— Кто сказал? Пока я тут распоряжаюсь, ясно? Вон! Вон отсюда!

Два чиновника, идущие по коридору, слышат этот крик.

— Надо же, как орет, — говорит один.

— Когда и орать, если не напоследок. Я бы всем всю правду сказал.

— Будто никто правды не знает. Особенность момента, брат: все всё знают. Никакого лицемерия, всё открыто. Мне нравится. Я вот, например, знаю, что ты под меня копаешь.

— Это правда. Подкапываюсь помаленьку. Собеседники добродушно посмеиваются.

Быстров тупо сидит за столом. Несколько раз поднимает руку, чтобы взять трубку телефона, на котором традиционно нет диска. И опускает руку.

Встает, подходит к окну. Видит, как голуби расхаживают по карнизу. Вот сорвались, полетели.

Видит, как дальний самолет прочертил небо белой полосой.

Быстров, что-то решив, направляется в комнату отдыха, где у него туалет, умывальник и т. п. Собирает пасту, щетку, пену для бритья, бритву, прочие принадлежности, берет пару рубашек в упаковке. А из сейфа достает пистолет. Все складывает в портфель.

В машине, то ли от спешки, то ли от волнения, он несколько раз подряд чихает, а потом вытирает платком покрасневший и мокрый нос.

— Опять насморк разыгрался. Останови у аптеки, — просит он Мишу.

— Что купить, я схожу? — предлагает Миша.

— Не надо, я сам.

Быстров покупает лекарство и видит через стеклянную стену, как Миша с кем-то конспиративно разговаривает по телефону.

Он идет в служебное помещение.

— Сюда нельзя! — говорит девушка в белом халате.

— Я знаю.

Быстров выходит с обратной стороны здания. Через подворотню попадает на другую улицу, ловит машину, уезжает.

Миша вбегает в аптеку, озирается. Чрез служебное помещение, как и Быстров, попадает во двор. Выбегает через подворотню. Крутит головой направо и налево. Быстров исчез.

А тот уже подъезжает к вокзалу. Идет к кассам.

— Один билет на ближайший.

— Куда?

— Все равно. Я же говорю: на ближайший! Кассирша берет паспорт. Смотрит на паспорт, потом

куда-то в сторону. И опять на Быстрова. И опять на паспорт, в сторону, на Быстрова.

Быстров резким движением вырывает у нее паспорт.

Кассирша хватает телефон, звонит кому-то.

События разворачиваются все стремительнее. Быстров едет в трамвае. Все люди кажутся ему подозрительными. Один тип особенно — в черных очках.

Быстров выскакивает из трамвая. Тип в очках тоже. Быстров идет мимо дома, сворачивает. Тип — за ним. Тип сворачивает за угол — на него смотрит ствол.

— Руки за голову, лицом к стене! — командует Быстров. Держа типа в очках под прицелом, он обыскивает его.

Достает документы. Скромное пропускное удостоверение.

— Это что?

— Там написано.

— Хочешь сказать, ты преподаватель музыкальной школы?

— Да.

— Хорошая крыша! — одобряет Быстров. — А на чем ты играешь с такими плечами?

— На фортепиано. Честное слово. С детства как-то полюбил.

Быстров выкидывает удостоверение в мусорный бак. И видит в баке выброшенное тряпье. Хватает что-то вроде рваной простыни, связывает сзади руки подозрительного типа. Толкает его, тот падает на землю. Быстров связывает ему ноги.

Уходит.

Теперь надо поменять внешность. Быстров в парикмахерской.

— Постричь. Наголо.

Парикмахер смотрит на него в зеркало. Быстров смотрит на парикмахера. Вскакивает, стаскивает с себя покрывало, уходит. Рука парикмахера тянется к телефону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru